

Александр Алексеевич Богданов

Гараськина душа

Александр Богданов

Гараськина душа

«Public Domain»

1913

Богданов А. А.

Гараськина душа / А. А. Богданов — «Public Domain», 1913

«Гараська – рыжеволосый заморыш, с тонкими и кривыми, как развилки, ножками. Уличные мальчишки зовут его лягушонком. Ему семь лет, а посмотреть со стороны – больше пяти лет ему никто и не дал бы, такой он худой, незаметный и маленький. Заметного в нем только и есть, что круглая золотушная голова с болячками около ушей, да синий, надутый от ржаного хлеба живот...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Алексеевич Богданов

Гараськина душа

I

Гараська – рыжеволосый заморыш, с тонкими и кривыми, как развилки, ножками. Уличные мальчишки зовут его лягушонком. Ему семь лет, а посмотреть со стороны – больше пяти лет ему никто и не дал бы, такой он худой, незаметный и маленький. Заметного в нем только и есть, что круглая золотушная голова с болячками около ушей, да синий, надутый от ржаного хлеба живот.

Гараськина семья большая: дедушка Никита, крупный старик с белыми, как кудель, волосами, отец Петр с мамкой; отец – русский, прямой и бородатый, а мать Анисья – худенькая и рыжая, – сказывают, что Гараська в нее лицом уродился. И еще дядя Василий, черный и кудлатый, с хозяйкой Анной, которую дедушка Никита почему-то зовет снохой. . . У дяди Василия есть сын Николка, окончивший сельское училище, уже настоящий работник. Живут все вместе, в старой просторной избе, и спят: мамкина семья в одном углу, дяди Василия – в другом, а дедушка Никита на полатах.

Зимой много наслушается в избе Гараська. . . Сноха ссорится с мамкой, – выйдут обе на середину избы, подоткнутся в бока руками и начнут корить друг дружку. . . Мать говорит, что сноха ничего не делает, а сноха кричит, что за мамку, точно лошадь, с утра до ночи работает, да еще сопلي ее чертеньшу, Гараське, вытирает. . . Досадно Гараське. Кажется ему, что все это из-за него ссору затеяли и над ним сноха смеется. . . Он жмется в угол и втихомолку вытирает нос рукавом грязной рубахи.

За бабами мужики поднимутся: шум стоит в избе. А напоследок дедушка Никита осерчает и всех по своим углам разгонит. Прищурит желтый, как у сыча, глаз, поднимет руку и согнутым сухим пальцем пригрозится:

– Вот возьму вож-жу да вож-жой вас!..

Чудной этот Никита! Встает он раньше всех и минутки покоя не знает – то в избе, то во дворе по хозяйству хлопочет. . . Стар он, горб на спине вырос, а все боятся, почитают и слушают его. . . Какие-то непонятные разговоры Никита с отцом и дядей ведет.

Часто после ужина усядется он на лавке, свесит на пол босые ноги, распустит послабже поясок на животе, расправит рубаху и начнет:

– Надоть у Калинина оврага селиться-то!.. От обчества там на отшибе, значит, при нарезке землей теснить не будут, И место гораздое, и насчет воды крутом раздольне!

Отец Петр за столом русую голову локтями подпирает. . . Долго он думает над словами деда, а потом скажет:

– А куда скотину понять будем? Скотина, батюшка, не позволит!

Дедушка Никита только белыми крючковатыми бровями поведет.

– Скотину по оврагу гонять будем!.. Надо от казны разрешенья просить. . . А не разрешат, на обчий выгон погоним. Вот он, пастух-то, готовый!.. Кроме, как овец пасти, никуды его не возьмешь!..

И кивает головой на Гараську.

Гараське весело. Он знает овраг, куда летом ребяташки ходят собирать зернистую кисло-сладкую ежевику, от которой становятся черными руки, губы и зубы. А в родничках по склонам оврага в жаркие летние дни он любит черпать пригоршнями воду и мочить голову.

Вот только скучно будет пасти скотину. У дедушки Никиты есть пять лохматых мягкорунных овец и одна корова с бурыми круглыми пятнами на боках и с большими белыми рес-

ницами над глазами. Хорошо бы верхом, вцепившись в гриву, поскакать в ночное, да только, наверное, опять Николка станет ездить в ночное с лошадьми... Нехороший этот Николка – всегда обижает его, Гараеьку!..

Дедушка Никита ворочается в холщовой домотканой рубахе и продолжает:

– Две избы кряду поставим! Вздору между бабами меньше будет. Старую-то избу перевезем, а на другую, новую, лесу куплять придется!

Каждое слово Гараеька жадно ловит и все, что ни слышит, бережно складывает в своей памяти, ничего не забудет. Память у него острая, должно быть некому, что прошлым летом он два сорочьих яйца съел.

«Новая изба – это хорошо, – думает он. – А кто жить в ней станет? Наверное, сам дедушка Микита!»

Хочется Гараське спросить, кто поселится в новой избе, и боится он. Мамка холст ткёт, ударяет в подножку стана то одной, то другой ногой. Быстро мелькают вправо и влево по ниткам деревянные берды, Гараеька вертится около нее и тихо, чтоб не слышал дед, спрашивает:

– Мамк, а мамк?.. Это для себя дедушка новую избу поставит?..

Мамка ничего не отвечает и продевает в основу длинные льняные нитки.

Но дедушка слышит, что сказал Гараеька. Он поднимает сухую жилистую руку и скрюченным костлявым пальцем манит внука:

– Гараська! Подь-ка сюды!

Гараська звонко шлепает развилками босых ног по холодному шершавому палу.

Дедушка Никита протягивает руку к самому его лицу.

– Дай-ка мне свой вихорь.

– А за што? – спрашивает в недоумений Гараська. Дедушка Никита смеется и показывает желтые, еще крепкие зубы.

– За то!.. Не лезь, куды не спрашивают, и матери не мешай.

Гараська подает дедушке наклоненную голову, и тот легонько треплет его за вихорь.

Гараське не столько больно, сколько обидно. Он надувает губы, сопит и забивается в свой угол к широкой дощатой постели.

II

К концу зимы дедушка Никита, озабоченный и хмурый, все считает какие-то души с дядей Василием и отцом Петром.

– Не дадут на Гараську души! – скажет отец Петр и вздохнет. – Подождать бы на хутор выселяться! Подрастет Гараська – заодно с его наделом на пять душ земли иотрежем.

Дедушка Никита взглянет на Петра из-под бровей строгими глазами и скажет:

– Будем на пять душ требовать.

Дядя Василий свое слово вставит:

– Не нарежут земли – земскому жалобу подадим! К покрову даю Гараське восемь лет минет – душа будет, а до покрова дня и году не осталось. И по закону, бают, должны на пять душ нарезать!

Дядя Василий – бойкий и речистый мужик – любит натолковать и покричать не хуже иной бабы. Не лежит к нему Гараськино сердце за то, что он считает себя в семье старшим после дедушки.

Вот отец Петр – другое дело; когда он дома – его и не слышно. Тих он и ссориться не горазд.

Отцу Петру, видимо, не хочется выделяться на хутор. Он весь потеет от мучительных и неповоротливых мыслей и после долгого молчания опять мрачно замечает:

– Суды да свары затевать с обществом тоже не резон! Все равно житья не будет. Опять же первыми выселяемся! Подождать бы, пока другие начнут!

Дядя Василий не соглашается:

– То и хорошо, што первыми! По крайности, от казны какое-никакое уважение будет! Объявлял урядник на селе, чтоб на хутора выделялись... Може, и скотину позволят на овраге пасти. Вот только, пока што, не помер бы Гараська! Вишь, он какой кве-е-лый!..

Все – и дедушка Никита, и отец, и дядя Василий, и даже мамка со снохой Анной – уставятся на Гараську. И неловко ему. Поджимает он под себя ноги, шевелит закорюзлыми пальцами и думает:

«И чего это я им дался? Только у них и разговору, што Гараська да Гараська».

Дедушка Никита пощупает его издали неласковым взглядом и подтвердит:

– Што и толковать! Кве-е-лый!.. Мелок ноне народ пошел, не в дедов...

Потом к мамке повернется и скажет:

– Ты што же это, Анисья, такого нам плохого угораздила? А?

Мамка застыдится, покраснеет и ничего не ответит.

А дядя Василий точно рад случаю попрекнуть Гараську за то, что он постоянно болеет, и опять скажет:

– Надо с этим делом не прозевать! Покудова у Гараськи еще души нет, – охлопатывать ему ее. А помрет он – ни за што душа пропадет!

Не понимает Гараська. Как это так, что у него души нет? Летось дедушка Никита, когда он потихоньку поминальные пшениные блины съел, крепко побил его и страдал, что черти его душу в ад утащат и горячую сковородку лизать заставят. А теперь говорят, что у него нет души. Куда же она делась? И как это дядя Василий охлопатывать ее будет? И опять непонятно: то нет у него души, а то вдруг к покрову дню будет. Откуда же она возьмется? И еще говорят, что душа пропадет... Куда же она денется? Нешто черти в ад ее утащат? После дедовых разговоров шибко стал он бояться чертей. Дедушка пальцами рога наставлял, показывал, как черти пыряются... А то еще говорят, – шишиги озоруют: провернут в земле дырку да в дырку утащат.

Ни шишиг, ни чертей Гараська никогда не видел, но ему становится страшно.

Он прислушивается, и вот начинает казаться, что из пустых и темных углов избы подкрадываются шишиги, пузатые и скользкие, как большие лягушки. А за шишигами крутолобые и рогатые черти с козьими хвостиками и жидкими мохнатыми ногами. Черти высовывают красные языки, мотают головами и протягивают ощеренные морды так близко, что он слышит их потное и противное дыхание.

Гараська зажмуривает глаза и с криком бросается опроретью к мамке.

– О-ой, ма-монька, боюсь!..

Мужики смолкают. Гараська тычется лицом в материну юбку. Все тело его вздрагивает, и он тихо всхлипывает:

– Ма-а-монька, боюсь!..

Мамка гладит его ласково по голове... Дядя Василий, недовольный тем, что поднявшийся шум оборвал беседу, досадно поднимается с лавки и со злостью говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.